

Лист о.к. АБГ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

К 120-летию со дня рождения

ГАЛАКТИОНА ПЛАБИДЗЕ (1892 – 1959)

и к 100-летию создания

одного из самых известных стихотворений поэта «МОТЫЛЬЩИК»

Новые переводы

მესაფლავე

მესაფლავე, შენ ამბობ, რომ ქვეყანაზე ვინც კი კვდება,
იმ წუთშივე მისი ჩრდილი ყველა ჩვენგანს ავიწყდება?
ეჰ, არ მჯერა მე ეგ რაღაც... მომაბეზრე კიდეც თავი,
და შეწყვიტე, თუ ღმერთი გწამს, ეგ დაცინვა გულსაკლავი.

ვარდის თვეა, მაისია, ნორჩ ბალახებს სიო არხევს,
ხეებს ყვავილთ თეთრი გუნდი, როგორც თოვლი, ისე აწევს,
მზე ნარნარი სხივებს აფრქვევს და სითბოში მთა-ბარს ახვევს,
ყვავილებით მოქარგულა არემარე მომხიბლავი.
ვერა ხედავ, იმ საფლავეზე, როგორ სტირის ობლად ქერივი?
რარიე შეენის ახალგაზრდა ქალს ეგ სევდა ღვთაებრივი!
განა გუშინ არ იყო, რომ ამ მოკლულმა დარდით ქალმა
ცრემლი ღვარა, როცა სატრფო ცივ სამარეს მიესალმა?
დღესაც იგი იმ სამარეს გულმოკლული დაჰქვიტიინებს,
დღით არ იცის მოსვენება და ღამითაც არ იძინებს.
მოვა ხოლმე და დაჯდება ცივ სამარის გაშლილ ქვაზე,
დარდით არის გაჟღენთილი მისი უღვთო სილამაზე;
თმას გაიშლის, დაემხოზა და ცრემლები სცვივა, სცვივა...
სულს მიშფოთებს ეგ ქვითინი, გული მტკივა, გული მტკივა!
მაგრამ რა ვქნა? მესაფლავე, ჩუმად იყავ, უგდე ყური...
გესმის, გესმის, როგორ კვნესის დაღლილი და უბედური?—
“გავქრე ისე, როგორც ნისლი, როგორც ღამის მოჩვენება,
არ მეღირსოს კვალარეულს სიმშვიდე და მოსვენება.

შენი სახე გულს კაწრავდეს, როგორც ვიყო, სადაც ვიყო,
თუ როდისმე არ მახსოვდე... თუ როდისმე დაგივიწყო!”
მესაფლავე, კიდეც იტყვი, რომ ამქვეყნად ვინც კი კვდება,
იმ წუთშივე მისი ჩრდილი ყველა ჩვენგანს ავიწყდება?
აი, თუნდაც გალავნისას მესაფლავე ადებს კარებს:
ახალგაზრდა ვინმე ვაჟი კიდეც სატრფოს ასამარებს.
გულმოკლული ძვირფას კუბოს არ სცილდება, არ შორდება,
განა როსმე სხვა ამგვარი სიყვარული მეორდება?
უსაზღვროა მისი სევდა, უსაზღვროა მწუხარება,
და გადმოსჩქევს გულმოკლულ ვაჟს თვალთგან ცრემლთა მდულარება.
ფიცით ამბობს: “ოჰ, შეშფოთდეს სამარეში ჩემი ძვლები,
არ ათბობდეს ჩემს სამარეს გაზაფხულის მზის სხივები,
გავქრე ისე, როგორც ნისლი, როგორც ღამის მოჩვენება,

არ მეღირსოს კვალარეულს სიმშვიდე და მოსვენება,
შენი სახე გულს კაწრავდეს, სადაც ვიყო, როგორც ვიყო,
თუ როდისმე არ მახსოვდე, თუ როდისმე დაგივიწყო!”
მესაფლავე, კიდეც იტყვი, რომ ამქვეყნად ვინც კი კვდება,
იმ წუთშივე მისი ჩრდილი ყველა ჩვენგანს ავიწყდება?
ის ქალი კი, წედან რომ ვთქვი, ისევ მოდის თმაგაშლილი
და სამარეს დაუვიწყარს თავს ადგება, ვით აჩრდილი,
ხელში ვარდის მთელი ბუჩქი, ჯერ ისევე დაუმჟვნარი,
მოაქვს, რომ მით დაამშვენოს სამარისა თეთრი ჯვარი.
ოჰ, ეს ქალი ალბათ დარდით ყვავილივით ჭკნება, ჭკნება...
სევდას სახე დაუფარავს და სიყვითლე ეპარება.
საცოდავი! თვალეზსაც კი დასჩნევია უძილობა, —
ასე ხდება, როცა ღამით მოგონებებს იწვევს გრძნობა, —
ახლა? ახლა კიდეც იტყვი, რომ ამქვეყნად ვინც კი კვდება,
იმ წუთშივე მისი ჩრდილი ყველა ჩვენგანს ავიწყდება?
და ის ვაჟიც, გუშინწინ რომ მიაბარა სატრფო საფლავს,
არ სცილდება სასაფლაოს, სევდიანს და გულმოსაკლავს;
სახე თაფლის სანთელს უგავს, სანთელივით დნება, დნება,
თავს დასცქერის დაუვიწყარს, გლოვის სიტყვას ეუბნება.

მის თვალეზსაც დასჩნევია ღამის თევა, უძილობა, —
ასე ხდება, როცა ღამით მოგონებებს იწვევს გრძნობა!
მესაფლავე, ახლაც იტყვი, რომ ამქვეყნად ვინც კი კვდება,
იმ წუთშივე მისი ჩრდილი ყველა ჩვენგანს ავიწყდება?
დღეს იმ ქალმა გულმოკლულ ვაჟს უნებურად მოჰკრა თვალი,
გაიფიქრა: “ისიც ჩემებრ ტირის ცრემლებშეუმშრალი;
უძიროა კაცის სევდა, უძიროა კაცის გული,
რას არ ითმენს სიყვარულის ცხოველ ნათელს მოკლებული”, —
ასე ამბობს სევდიანი ქალის ცისფერ თვალთა ცქერა.
ალბათ, ვაჟსაც ამ უსიტყვო ცქერამ გული აუძგერა...

ასე იცის თანაგრძნობამ... შენ კი ისე იღიმები,
თითქოს მართლა იბმებოდეს იმათ შორის ის სიმები,
რომლის ძალით ორი გული სამუდამოდ შეერთდება...
ეჰ, არ მჯერა მე ეგ რაღაც, ქვეყნად ეგრე როდი ხდება.
როცა ფიცით აცილებენ მიცვალებულს სამარემდე,
ფიცს არ სტეხენ... ფიცს არ სტეხენ უკანასკნელ ყოფნის დღემდე.
გამიგონე, მესაფლავე, შენ არ იცი კაცის დარდი,
თორემ რაა — ჩემს თქმაზე რომ სულელივით ახარხარდი?!
რა ვუყოთ, რომ იმ ვაჟმა ქალს მოუტანა ნორჩი ვარდი
და მწუხარედ წაჩურჩულა: “შემიყვარდი, შემიყვარდი,
ჩვენ ერთი გვაქვს მწუხარება, შევაერთოთ სულთან სული...”

გამომყევი, ქალო, ცოლად... ძლიერი მაქვს სიყვარული...
მართალია, ის სატრფონი არც შენ, არც მე აღარა გვყავს,
მაგრამ მათი მოგონება ვერ გაარღვევს უხმო საფლავს.
დავივიწყოთ ის წარსული, სატირალი, სავალალო,
და ახალი შევექმნათ ყოფნა... გამომყევი ცოლად, ქალო!”
დაუცადე, მესაფლავე, თუ რა პასუხს მისცემს ქალი,
შენ გგონია, რაკი ვაჟმა დაივიწყა თავის ვალი,
ქალიც ასე მოიქცევა? მე გგონია — არა, არა...
განა გუშინ არ იყო, რომ სატრფო მიწას მიაბარა?
მკვდრის აჩრდილთან ვინ იცინის, მკვდრის აჩრდილთან ვინ იხუმრებს?
აი, ნახავ — აბეზარ ვაჟს რა პასუხით გაისტუმრებს!
მაგრამ ქალი, ღმერთო ჩემო, მორცხვად თავს ხრის და ჩურჩულებს:
“თანახმა ვარ! ერთადერთი მომავალი მასულდგმულებს...
ჩვენ ერთი გვაქვს მწუხარება, ნუ ვიგონებთ დროს უბედურს,
მე შენი ვარ სამუდამოდ...
წამიყვანე, სადაცა გსურს”...
მესაფლავე, ახლა კი გაქვს ნება, რაც გსურს, კვლავ იგი თქვა...
სამუდამოდ ასამარებს კაცთა ხსოვნას სამარის ქვა.
ალბათ ქალ-ვაჟს დღეს ერთი აქვს ბინა... ხედავ, გადის ხანი,

არ ნახულობს სასაფლაოს დღეს არც ერთი იმათგანი,
საფლავთაგან მტვერს და ბალახს დღეს არავინ არ აცილებს
და მოვლასთან ერთად ფერი წართმევიათ ვარდ-ყვავილებს...
განისვენეთ, განისვენეთ დავიწყებულ არსთა ძვლებო...
თქვენს ყოფნაში არ ერევა ცოცხალთ ფიქრი საარსებო...

განისვენეთ, ძლიერი და უკვდავია თქვენი ძილი...
რალად უნდათ, რად სჭირიათ თქვენს საფლავებს ვარდ-ყვავილი?
ან რას გარგებთ მოკვდავ კაცთა სამუდამო ცრემლთა ფრქვევა?
ძილით ვედარ გამოგარკვევთ ვერრა ძალა, ვერც შემთხვევა...
ასე ხდება ქვეყანაზე — ყველა ცოცხლობს, ყველა კვდება,
და ვაი მას, ვის სიკვდილი სიცოცხლეშივ ავიწყდება...

ზარსა სცემენ... იმ ორს, რომელთ დაივიწყეს ბედი მწვავე,
იმ ორს ერთად გადავერცხლილს კუბოში სჭედს მესაფლავე...
სჭედს და რალაც მწარე ფიქრზე თან ველურად იღიმება, —
იცის, იცის მესაფლავემ, როგორც უნდა... როგორც ხდება...

განისვენეთ, განისვენეთ, დავიწყებულ არსთა ძვლებო,
თქვენს ყოფნაში მე ბევრი მაქვს მწუხარე ჟამს საოცნებო!

(1912)

МОГИЛЬЩИК

Ты, могильщик, утверждаешь: кто б ни умер, лишь отпели —
Вмиг забыт он с окончаньем похоронной канители...
Брось, старик. Молчишь ты мудро, говоришь — намного хуже.
Здесь, у плит могильных, шутки — неуместны, неуклюжи...
Белым снегом на деревьях спят цветов молочных стаи,
И земля — до горизонта — вся расписана цветами —
Месяц роз. Теплом и светом мир пронизан и наполнен.
Полдень. Май. И легким ветром чуть колышется шиповник...
Не вдова ли молодая у могилы, в черной шали?
Как она сейчас прекрасна, в час божественной печали.
Не вчера ли тело друга приняла земля сырая,
И за ним она бросалась, гроб слезами заливая, —
А сегодня о любимом вновь рыдает безутешно,
Плачет днем и плачет ночью — нет покоя, нет надежды...
Вновь приходит и садится у него возвышенья —
Как печаль ее прекрасна! Красота как совершенна!
Плача, волосы распустит, упадет в слезах горячих, —
Этот плач мне душу ранит, сердцу больно, сердце плачет...
Но — что делать? Чем помочь ей?... Тс-с... Прислушайся, могильщик...
Слышишь, слышишь стон несчастной — говорит она
с погибшим:
“Пусть исчезну, как туман, я, как видение ночное,
Никогда пусть не узнать мне в жизни мира и покоя —
Где бы, как бы ни жила я, — утром, вечером ли, в полночь,
Если я тебя забуду, если я тебя не вспомню!..”
Ты по-прежнему, могильщик, говоришь: едва отпели —
Вмиг забыли с окончаньем похоронной канители?..
Что ж, слезам вдовы не веришь — так пойдя, открой ворота —
Но на этот раз хоронит юноша — невесту... Вот он

Рвется к телу дорогому, не отходит, плачет... Боже,
Так – когда-нибудь – еще раз полюбить он разве сможет?!
Он коснулся страшной тайны – заглянул на дно колодца,
Безутешно слезы льются, бедный юноша клянется:
“Нет на свете больше женщин ни красивей, ни добрее!
Никогда мою могилу пусть луч солнца не согреет,
Пусть исчезну, как туман, я, как видение ночное,
Никогда пусть не узнать мне в жизни мира и покоя –
Где б ни жил я, как ни жил бы, – утром, вечером ли, в полночь
Если я тебя забуду, если я тебя не вспомню!..”
Что, могильщик, ты, как прежде, говоришь: всплакнули, спели
И – забыли с окончаньем похоронной канители?..
Но смотри – опять приходит эта женщина – ты помнишь? –
К той могиле, над которой распускается шиповник...
Вновь над камнем замирает и все так же безутешна...
Ворох дивных роз приносит, роз, завянуть не успевших,
Ими крест могильный белый украшает, молодая,
И – сама с цветами блекнет, увядает, увядает...
И тоска в глазах бессонных – так порой душа живая
По ночам, о прошлом вспомнив, плачет, губ не разжимая...
Что ж теперь? Ты снова скажешь, мол, поплакали, попели
И – забыли с окончаньем похоронной канители?..

Где же юноша, тот самый – хоронил позавчера он
Здесь любимую?.. Всё там же – у могилы, под чинарой,
И лицо – желтее воска, и – свечою – тает, тает...
Шепчет ей – о чем? – о только им двоим известной тайне...
А в глазах бессонных – горе... Так порой, о прошлом вспомнив,
По ночам душа живая, губ не разжимая, стонет...
Ну, могильщик, вновь ты скажешь, кто б ни умер, лишь отпели –
Вмиг забыт он с окончаньем похоронной канители?..
Посмотри – вдова сегодня, подняв голову, случайно
Профиль юноши печальный под чинарой замечает,
С грустью думает: “Он тоже в своем горе безутешен,
И его, наверно, точат, убивают мысли те же...
Сколько в сердце человека скорби, муки и печали,
Как ты терпишь только, сердце, сколько боли ты вмещаешь!..”
Глаз прекрасных взгляд лазурный сострадания исполнен –
И в ответ ей тоже смотрит он – взволнованно, безмолвно...
Что ж, они поймут друг друга... Нет, поверь, старик, – напрасно
Усмехнулся ты, как прежде, на своем стоишь ты – разве
Никому ты не был верен и не знал любви огня ты?
Эти взгляды – лишь участие. Разве ты не слышал клятвы
Той, с которой провожали только что они любимых?..
Есть сердца – умеют помнить, есть душевные глубины...
Ты не знал печали гордой. Ты не брал высокой ноты!
А иначе, как безумный, не смеялся б надо мной ты.
Ну и что с того, что парень сплел из свежих роз венки ей?
Что с того, что шепчет ей он: “Наши души одиноки.
Были прежде мы любимы, но сидим у плит одни мы,
Не пробьются к ним в могилы вздохи и воспоминанья.
Мы же молоды с тобою, хватит песен поминальных,
Стань женой моею, жить мы будем счастливо и прочно,
Все печальное, больное – все останется лишь в прошлом...”
Перестань, старик, смеяться – видишь слезы вдови эти? –
Если юноша забылся – слушай, – женщина ответит.

Ты, конечно, полагаешь, что она уступит парню?
 Нет – четырежды не прав ты! Разве не ее губами
 Клятва здесь произносилась так недавно? На такое
 Кто ж способен? Кто смеется, кто так шутит над покойным?..
 Слушай! – женщина до смерти и любить и помнить может.

Что же женщина?.. О, Боже!..

Робко голову склоняет. “Я согласна, – тихо шепчет, –
 Горе нас соединило, больно думать о прошедшем.
 Только будущим живу я... Счастье было, да – погасло...
 Всё печальное, больное – всё забудем. Я согласна...”
 Что ж, могильщик, говори мне всё, что хочешь, – не отвечу...
 Память... Под могильным камнем остаешься ты навечно...
 А у них сегодня – праздник. Спят под крышей под одною.
 Дни идут... К своим могилам не приходят эти двое...
 И никто уже не сменит роз увядших покрывала, –
 Спите, кости всех забытых, – вам и вправду надо мало...
 Спите крепко, спите вечно... А цветы – зачем они вам?
 Это пышное убранство – для чего оно могилам?..
 Не до вас живым, их думы сон ваш не беспокоят.
 В кои веки довелось вам отдохнуть от жизни, в кои...
 Да и что вам слезы смертных – не о вас ведь эти слезы...
 “Все живут – все умирают” – гаснут все земные звезды, –
 Горе тем, еще живущим, кто о смерти забывает:
 Серебром расшитый, красный гроб могильщик забывает –
 С плачем горестным хоронят тех двоих, о вас забывших...
 Забывает гроб могильщик – как вчера и как обычно...
 Странной, дикой, горькой мысли улыбаясь, забывает...
 Знает, знает он, могильщик, – как должно быть, как бывает...
 Отдыхайте, отдыхайте от забот и от событий,
 Спите крепко, спите вечно, кости всех существ забытых...
 Когда вдруг – необъяснимо – мной тоска овладевает,
 Вспоминаю вашу участь и могильщика слова я...

Перевод Юрия ЮРЧЕНКО
 (Журнал «Новый мир» . 2012. №4)

МОГИЛЬЩИК

... Так ты думаешь, могильщик, что все те, кто умирают,
 Даже тень воспоминаний по себе не оставляют?
 Я не верю... Но сдается, на своем стоишь ты стойко.
 И смеешься так некстати – так лукаво, так жестоко...
 Роз цветенье, май в разгаре, ветерок травинки спутал,
 Белый рой, подобно снегу, ветви легкие окутал,
 Солнце трогает лучами старый лес, реки излуку,
 А цветы, ковром весенним, затянули всю округу...
 Погляди, вдова у входа – в скорбном траурном уборе,

Как юна, как одинока, как прекрасна она в горе...
Не вчера ли это было, – здесь она просталась с милым
И слезами орошала свежий холм его могилы...
И сегодня на кладбище плач ее не умолкает,
Ни на миг – ни днем, ни ночью сон ей веки не смыкает.
Всё сюда она приходит, позабыв пути иные,
Излучают лишь страданья ее очи неземные,
По плечам развеет косы и рыдает... и рыдает...
От тоски ее безмерной жалость сердце раздирает...
Чем помочь ей, я не знаю, мы с тобой напрасно спорим.
Слышишь, как она стенает, обессиленная горем:
«Пусть исчезну, как туман, я, как видение ночное,
Навсегда пускай лишусь я утешенья и покоя.
Пусть твой взор, укором полон, мне мерещится повсюду,
Если я тебя не вспомню, если я тебя забуду!»
А теперь ты снова скажешь – путь к забвению не долгов,
День-другой, и мы забудем тех, кто был нам мил и дорог?
Или вот еще! Послушай! Снова колокол трезвонит,
Юноша, убитый горем, свою милую хоронит.
От любимых черт он взора ни на миг не отрывает.
Нет! Любви, подобно этой, в мире дважды не бывает.
И ничто на этом свете это горе не измерит,
Все никак не наглядится... Все глазам своим не верит...
И клянется он: «Пусть ветер по полям мой прах развеет,
Пусть весной мою могилу солнца луч не обогреет,
Пусть исчезну, как туман, я, как видение ночное,
Навсегда пускай лишусь я утешенья и покоя,
Пусть твой взор, укором полон, мне мерещится повсюду,
Если я тебя не вспомню, если я тебя забуду!»
А теперь ты снова скажешь, что все те, кто умирают,
Даже тень воспоминаний по себе не оставляют?
Вновь вдова сюда приходит в том же – траурном – наряде,
На могильный камень сядет, по плечам распустит пряди...
К сердцу роз букет цветущий прижимает неизменно,
Чтоб всегда был им украшен крест могилы незабвенной...
И сама она, как роза, от разлуки блекнет... вянет.
Молода... но до июня ее сердце не дотянет...
Как угасли ее очи, позабыв о сне, покое!
Так бывает, когда ночью вспоминается былое...
Сможешь ли теперь сказать ты, что все те, кто умирают,
Даже тень воспоминаний по себе не оставляют?
Вот и юноша, который здесь простался с прахом милой,
Дни проводит на погосте – быть живым ему постыло...
Весь истерзанный печалью, как свеча, он тает, тает...
Не живым, а лишь могиле свою скорбь он поверяет.
И его глаза угасли, позабыв о сне, покое,
Как у всех, кому ночами вспоминается былое...
А теперь ты снова скажешь – путь к забвению не долгов?
Справим тризну, и забудем тех, кто был нам мил и дорог?
Юношу вдова сегодня вдруг узрела ненароком,
Пожалела о несчастном, о таком же одиноком:
«Бесконечно его горе, необъятно его сердце,
Сколько мук оно выносит, обездоленное смертью!»
И в глазах ее невольно состраданье отразилось.
Встретив взгляд ее безмолвный, сердце юноши забилося.
Ты ж насмешливо смеешься, так, как будто между ними

Уж успела протянуться нить, которая незримо,
Словно цепь, нерасторжимо две души соединяет...
Трудно в это мне поверить, так на свете не бывает.
Ведь когда усопших с клятвой до могилы провожают,
До последних дней ту клятву нерушимо соблюдают.
Верь, могильщик... Если б знал ты глубину людского горя,
Разве стал бы ты смеяться, понапрасну со мной споря?
Что с того, что ранним утром, к сердцу розу прижимая,
Он печально прошептал ей: «Я люблю тебя, родная.
Нас одна постигла доля, путь один нам предназначен...
Приглядишься ко мне – любовью я, как пламенем, охвачен...
Те, кому верны мы были... их давно уж нет на свете,
Не разверзнут их могилы наши клятвы и обеты.
Позабудем же былое, время слез, тоски всечасной.
Станешь ты моей женою – станет снова жизнь прекрасной!»
Что ж, послушаем, могильщик, что она ему ответит.
Если юноша бездумно о своем забыл обете,
То в ее измену клятве не поверю никогда я.
Не вчера ли здесь стояла она, горестно рыдая?
Разве место у могилы лживым клятвам и зарокам?
Вот, увидишь, как за дерзость он поплатится жестоко.
Но она... О, Боже правый, робко голову склонила,
Прошептала: «Я согласна, позабудем то, что было.
Да и я почти забыла... Мне грядущее милее.
Я твоя, твоя навеки... Уведи меня скорее!»
Трижды прав ты был, могильщик, путь к забвению не долог,
Миг, и мы уже не помним тех, кто был нам мил и дорог...
А они теперь, наверно, неразлучны... Дни проходят,
Одинокие могилы никого уж не заботят.
Заросли они травой, белый мрамор пыль покрыла,
Без ухода блекнут розы, лепестки склонив уныло...
Вы ж, забытые живыми, сном спокойным спите... спите...
Суета уж не проникнет в вашу тихую обитель...
Спите с миром, сон ваш вечен, и конца ему не будет...
Что с того, что на могилу не несут цветы вам люди?
Да и чем помочь вам смогут смертных тщетные рыдания?
Ведь от сна вас не пробудят ни любовь, ни состраданье...
В мире есть порядок вечный – все живое умирает, –
Горе тем, кто так беспечно вдруг об этом забывает...
С колокольни звон несется... Мир оставили те двое,
Забивает гроб могильщик – гроб с серебряной каймою...
Забивая, думам тайным улыбаются зловеще –
От него ничто не скрыто... Знает все могильщик вещей...
Вы ж, забытые живыми, сном спокойным спите вечно,
Сколько раз желанным будет мне покой ваш бесконечный!

Перевод Паолы УРУШАДЗЕ

К 150-летию со дня рождения
Нико ПИРОСМАНИШВИЛИ (1862-1918),
120-летию со дня рождения
Михаила ЛЕ-ДАНТЮ (1892-1917)
и 100-летию открытия живописи Нико ПИРОСМАНИ*

* Предлагаемый материал скомпилирован из различных мемуарных архивных источников, в которых написание фамилий участников описываемых исторических событий варьируется.

Следует особо подчеркнуть и осмыслить тот факт, что в 1912-1913 годах серьезную объективную ценность искусства Пиросмани были способны понять и провозгласить только футуристы – это... было исторически закономерным.

А.А. Стригалёв

«Кем и когда была открыта живопись Н.А. Пиросманишвили». (Панорама искусств, 12. М. Советский художник, 1989)

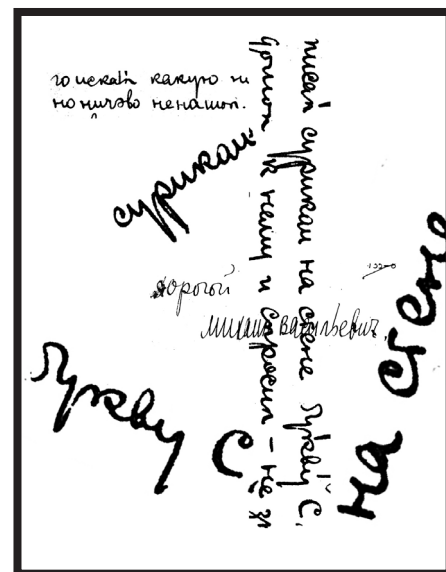
ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА

ЮНОСТЬ. ВСТРЕЧА С ЛЕ-ДАНТЮ

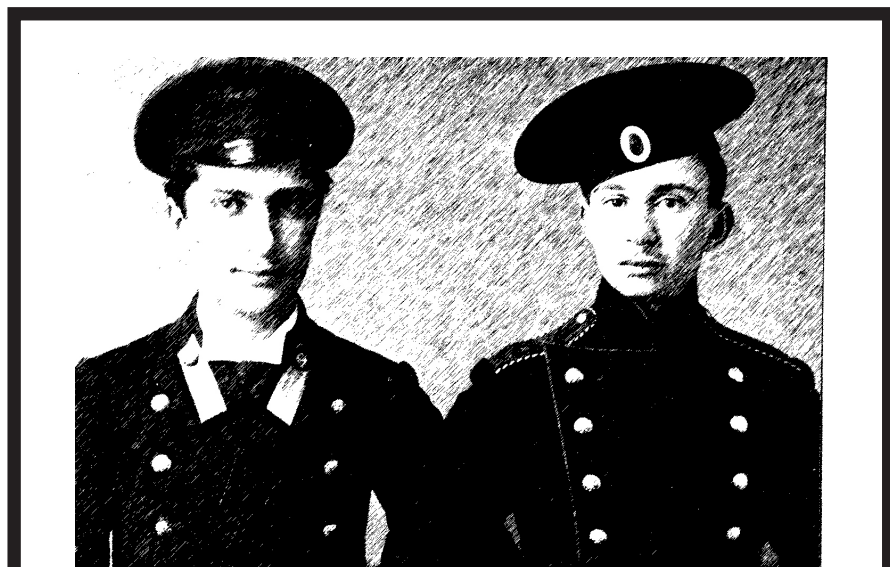
[...] напоминанием о стране, которую я покинул много лет назад, с которой я еще поддерживаю слабую связь, но облик которой все больше и больше изглаживается в моей памяти. Однако историю, о которой меня спрашивает Какабадзе, я помню столь отчетливо, столь в свое время она потрясла и всколыхнула, что мельчайшие подробности этой драмы, в которой с внешней сторо-

ны не было ничего драматического, я могу и сейчас рассказать во всех деталях.

Какабадзе пишет своим почерком, мелким и напоминающим скорее почерк начетчика, чем живописца, что Нико Пиросманишвили, художник-самоучка, умерший от нищеты и пьянства девять лет назад и украшавший своими выдумками и портретами родные кабаки и погреба, – входит на родине в славу, украшает государственный музей и удостоился даже роскошного издания, снабженного множеством иллюстраций и торжественных статей. В них несколько раз упоминается мое имя, как в статье, подписанной моим братом, оставшимся там с семьей, так и в других, так как я знал покойного, позировал ему для портрета и покупал его клеенки (я говорю клеенки, а не холсты, так как старик писал чаще на черной клеенке). Но так как торжественные статьи полны

странных противоречий и вообще вызывают ряд сомнений, Какабадзе просит меня восстановить во всех деталях историю моей встречи с живописцем. И я это делаю – крайне неохотно, не потому только что я ленив до пера. Но воскрешать эту поросшую мхом историю – значит рассказать об одном из

Илья и Кирилл Зданевичи.

самых жестоких уроков, полученных мной у судьбы, и вызвать образ самонадеянной молодости, увы, отцветшей... Однако написать несколько страниц значит эту молодость пережить, и ради этого я готов потрудиться, надев роговые очки и наполнив до отказа стило.

Стоят ли внимания читателя все те подробности моей личной жизни, которые я должен привести в обилии и без которых сама история встречи останется жутким, но невразумительным скелетом?

Город Тифлис – моя отчизна, расположенный ... на берегах реки Куры, был некогда столицей Грузинского царства, история которого уходит в глубь эпохи, предшествовавшей Рождеству Христа. В XVIII веке изнеможенные борьбой с соседними Персией и Турцией, грузины искали защиты у русских царей, что и позволило последним при первом же удобном случае сделать Грузию одной из русских губерний. Тогда Тифлис становится резиденцией русского наместника, какого-нибудь генерала или князя, бесконтрольно хозяйничавшего в этом отдаленном углу империи. Население города возрастает, увеличиваясь за счет пришельцев – преимущественно русского служилого и рабочего класса и торговцев армян и азербайджанцев, татар. Школа, учреждения – все делается русским, и процесс обрусения местного населения идет весьма быстро. Но указанные условия делают Тифлис по культурному уровню много выше провинциального русского города, сохраняя за ним весьма своеобразную смесь столицы и глухой провинции.

В этом городе я и родился. Отец мой был преподавателем французского языка и литературы. [Здесь я] провел детство и затем окончил гимназию. Так как семья наша была одним из культурных очагов, то дом наш усердно посещался художниками и литераторами, туземными и приезжими. С детства брат мой и я брали уроки живописи (брат мой и сделался художником, я же за-

М. Ле-Дантю.

нятия эти бросил), позже – изучали грузинскую старину (с каковой целью немало путешествовали) и были неперменными посетителями всяческих обществ города – художественных, археологических, музыкальных, географических и прочих. Никогда в этом мире я не слышал имени Пиросманишвили, не встречался в быту с его картинами.

Образовательная поездка по России, предпринятая нами совместно с моим отцом летом, сыграла большую роль в наших дальнейших судьбах. В Казани на выставке, устроенной в местной школе живописи, мы познакомились с новой живописью, с отголосками живописи Матисса, которых мы не могли видеть в московских галереях, где нас кормили художниками «Мира искусства». Однако провидения Александра Иванова и предчувствия Врубеля, что картину надо строить, – были для нас откровением. В Киев мы поехали смотреть Кирилловский монастырь. Архаическая, так называемая, живопись, представилась нам не той, какой она понималась до того – «неумелой».

В 1911 я окончил гимназию и переехал продолжать учиться в Петербург, уже футуристом при этом, так как с весны этого года я затеял переписку с Маринетти и зубрил

наизусть его манифест. Брат же мой расстался с Тифлисом годом ранее, провел год в Москве, где вошел в круг живописцев-бунтарей того времени, а в 1911 переехал также в Петербург, где я его и застал. Мой футуризм позволил мне сразу войти в круг его единомышленников и быть дружно принятым.

Памятный год. В это лето я подружился с присяжным поверенным Канчели, любителем искусств и старины, и все лето пьянствовал с ним и его друзьями и родственниками в деревне, где порой мы выпивали за день (пирушки начинались в полдень и кончались на рассвете) по 10 бутылок вина каждый.

Все рушилось. Из Италии Маринетти присылал мне манифесты и своего [неразб.] и казалось, наступал час великих свобод. Куда мы ни кидали взгляд, видели новое, а старые ценности рушились в прах. Как мы презирали в эту эпоху Ренессанс, со всеми его рафаэлями, и наших отечественных гениев.

Одно событие, характерное в судьбах новой русской живописи, произошло в эту эпоху. Три молодых художника, ученики Академии художеств по классу Ционглинского – Барт, Ледантю и Сагайдачный – были исключены из Академии за левизну артистических идей.

М. Ле-Дантю. Человек с трубкой. 1912.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПИРОСМАНИ

Гоголевская улица, расположенная у самого вокзала, начинается, кажется, у таможни и, пересекая так называемую Вокзальную, тянется домами на запад. Угол ее при пересечении с вокзальной артерией оживлен, по нему с утра до вечера взад и вперед тянутся извозчики, нагруженные мешками, чемоданами и преимущественно корзинами – излюбленным способом упаковки тифлисцев. [Он] занят бакалейными лавками и винными погребами, в числе их упомянутый погреб Баядзе. Но дальше улица была тихим пристанищем, где на выкрашенных мелом дворах ютятся железнодорожные служащие преимущественно.

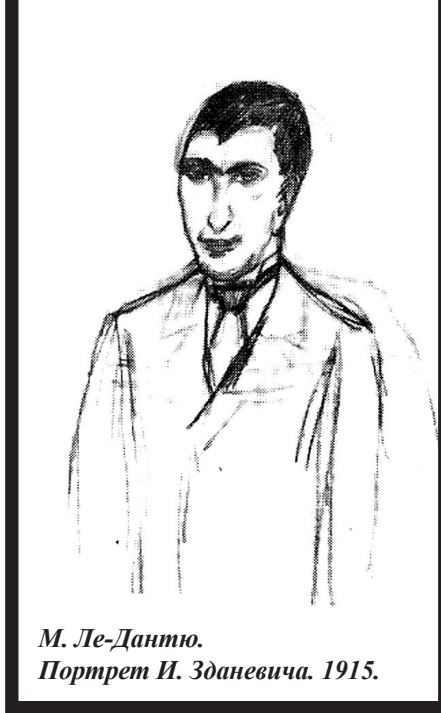
Покинув «Кардинала», я спустился по улице, имени которой не помню, вниз, пока, не сделав и сотни шагов, достиг улицы Гоголя и повернул направо, бегом, держась южного ее тротуара. Улица была пустой и обыденной. Но когда я настолько приблизился к Вокзальной, что готов был потонуть в ее шуме, крике рыборотковцев, пении зеленщиков, быть задавлен трамваем, – мне представилось зрелище, смысл которого я сразу не понял или даже не хотел понять. Рядом со мной стоял, сгорбившись, старик в серой изодранной и замасленной паре, в рваной обуви, с красными опухшими руками. Лицо неизлечимого пьяницы, хотя и было покрыто черной с проседью бородой и густыми, ниспадавшими усами, казалось заостренным, больным. Изношенный фетр, посыпанный прелью. И в поднятой руке, дрожащей, точно от бессилия, испуга или умолявшей о пощаде, – орудие тайны – тонкая кисть, которой на стене он, голодный, выводил слово «Обед». Я окликнул его невольно, не веря, не соглашаясь, что это он. Старик обернулся. И вдруг упал, как приговор, взгляд очей, слезящихся, черных, воспламененных, жутких, нечеловечье-звериных. Увы, я знал,

В вечер этого события я был у Барта, взбешенного и без умолку кричавшего, на третьей линии Васильевского острова. В комнату, скудно освещенную единственной лампой, бросавшей свет на писанного киноварью натурщика (повод к исключению), вошел застенчивый молодой человек, русский, с козлиной бородкой и говоривший почти шепотом. Это и был Ледантю, отношение которого к истории было противоположно отношению Барта. Спокойно, безразлично, как бы с покорностью, разговор шел и об Академии, и о моих фотографиях, снятых в путешествии летом в Осетии, и о «Парикмахере» Ларионова, который висел в то время на выставке «Мира искусства» на Троицкой улице.

Ледантю был не только превосходным художником, но он был и самым зрячим художником своего времени. Он никогда не говорил много или громко. Но несколько почти шепотом брошенных фраз, сопровождавшихся застенчивым жестом нежнейших рук, разили, разбивали, рушили и вместе с тем приподнимали завесу. Я с ним быстро подружился.

Один порок, и притом наследственный, преследовал Ледантю – он был пристрастен к вину. То и дело, приходя к нему, я заставал его пьяным или отсыпавшимся после попойки. Ледантю стыдился, пытался скрывать свой недостаток, но вино было сильнее его. Я думаю, оно и послужило причиной его гибели.

Мой брат иногда не оставал от него. 18 января, в день своих именин, он вернулся к полудню вдребезги пьяным, и мне ничего не оставалось, как, надев шубу, уехать на Гороховую, где Ледантю жил со своей

М. Ле-Дантю.
Портрет И. Зданевича. 1915.

матерью, вдовой военного врача, в двух убогих комнатах. Там я узнал, что в Троицком театре состоится диспут о новом искусстве, куда мы сообщая и отправились и где я выступил впервые с проповедью футуризма. Так определилась на многие годы моя профессия.

Зима, особенно суровая в том году, еще не кончилась, когда Ледантю и брат мой покинули Петербург для Москвы, чтобы участвовать в устройстве столь нашумевшей тогда выставки «Ослиный хвост». Из Москвы они проследовали на Кавказ, брат мой – домой, Ледантю же – приглашенный к нам погостить у нас летом. Однако, усердное знакомство с духанами – как там зовут кабаки, было видимо причиной того, что в квартире моих родителей в Кирпичном пер. Ледантю прожил месяца два, а потом переселился в ателье на Гунибскую улицу, в бывший дом моей матери. Когда, сдав к маю зачеты в Университете, я также явился домой на каникулы, в этом ателье висела картина Пиросманишвили «Обед носильщика».

**(Исторический альманах
«Минувшее», вып.5, стр.161-163,
Париж, 1988)**

никогда не забуду. После первых встреч
узнал, что он пошел в театры

что это – Пиросманишвили. Пиросманишвили, герой снов моих и мечты в течение долгих месяцев, певец моей родины, истолковавший ту любовь, которая руководила мной неисчислимыми путями – в поезде, верхом, вплавь, на работах и кутежах, – мудрец, один где [-то] в глуши постигший тайны живописи, сумев увидеть то, что никто не видит, неуловимый, единственный чародей. Лучше бы я тебя никогда не видел.

Старец (мне не подыскать другого слова) был слишком велик, чтобы я мог обратиться к нему с присущей мне развязностью. Этот босяк, от которого несет краской, этот опустившийся маляр – Пиросманишвили. Что же мне делать, куда мне деться?

Старик принял меня безразлично, почти надменно. Он знает, что я его ищу и что ищу весь год.* Но он сейчас занят, после завтрака в «Карданахе» он готов меня выслушать.

Но когда я расстался с ним, внеземная радость овладела мной. Я бежал домой рассказать, что нашел Николая, что Николай напишет мне множество картин, что участие его на выставке обеспечено. Я не видел больше ни лохмотьев, ни лица, ни лихорадочных рук, а только голубое небо, пейзажи, женщин, идущих за водой, львов и кутил, рассеявшихся вокруг нашего покрытого клеенкой стола!

Но после полудня надо было вернуться к действительности.

Я поехал на Молоканскую. В погребке на Молоканской мне отвечали, что Николай отдыхает после завтрака и сейчас придет. Николай ждал меня, опершись на стойку перед недопитым стаканом. Заговорив с ним, я убедился, что моим надеждам оставлено даже меньше места, чем я полагал. Старик, хотя и не пьяный, отвечал на вопросы бессвязно, точно держаться за нить мысли ему уже было трудно. Я говорю старик, [а] ведь ему, оказывается, было всего пятьдесят лет. Но что его могло уже так растоптать и унижить, если не

страсть к вину, которой он болен уже 10 лет.

Я упорствовал, точно стучался в двери, за которыми готовится развязка драмы. Слишком поздно. Все, чего я добился, кое-как растопив его недоверие, – что старик напишет мой портрет**, что мне давало возможность провести несколько дней в обществе мечты, которую я не хотел уже хоронить. Назавтра я должен был начать позировать тут же, пользуясь любезным согласием владельца Сандро Кочлашвили.

Но вечером другие чувства озаботили меня. Надо помочь денежно художнику, как-нибудь смягчить эту страшную нужду. Быть без денег, чтобы собирать его клеенки, туда-сюда, [неразб.] обеспечить хоть чем-нибудь самого мастера, больного, нищего. Я пошел к одному из моих знакомых, проживавшему в своем доме на Московской улице, – присяжному поверенному Канчели, с которым, несмотря на разницу лет, меня долго связывала дружба. Я полагаю, что был достаточно красноречив, чтобы убедить его наутро съездить со мной на Молоканскую. Канчели нашел, что состояние Николая безнадежно, хотя и готов был принять мою мысль – дать художнику большой заказ: расписать столовую в его до-

не
то
портрет
что
мне
давало
возможность
провести
несколько
дней
в
обществе
мечты
которую
я
не
хотел
уже
хоронить
на
завтра
я
должен
был
начать
позировать
тут
же
пользуясь
любезным
согласием
владельца
Сандро
Кочлашвили

ме. Но протест домашних оставил пожелание это неосуществленным. [...]

*Составители альманаха «Минувшее» считают, что Илья Зданевич встретил Н.Пиросманишвили в декабре 1912, однако Ирина Дзубова, кандидат искусствоведения, знаток жизни и творчества Ильи Зданевича, долгое время занимавшая должность зав. отделом рукописей Тбилисского Государственного Музея Искусств, утверждает, что это событие произошло в январе 1913 г.

**Портрет Ильи Зданевича Пиросмани писал с 27 января по 1 февраля 1913. (См.: Кирилл Зданевич. Н.ПИРОСМАНИШВИЛИ, М.1964, где приводятся записи Ильи). Портрет выставлялся в том же году в Москве вместе с другими работами Пиросмани («Мишень», 24 марта – 7 апреля 1913). Картина находилась затем в собрании Кирилла Зданевича, затем в коллекции Т.Александровой и И.Попова в Москве, в настоящее время – в собрании С.Шустера, Ленинград. (Альманах «Минувшее». Выпуск 5. Стр.157-159. Париж.1988)

М. Ле-Дантию. Человек с лошадыю. 1912.

Шалва Кикодзе.
Портрет Н. Пиросмани.

МИХАИЛ ЛЕ-ДАНТЮ И ЕГО РОДОСЛОВНАЯ

Михаил Васильевич Ле-Дантю вошел в историю русской художественной культуры начала XX века как талантливый живописец, один из ведущих теоретиков и практиков литературно-художественного авангарда, первооткрыватель картин Нико Пиросмани и первый их собиратель. [...]

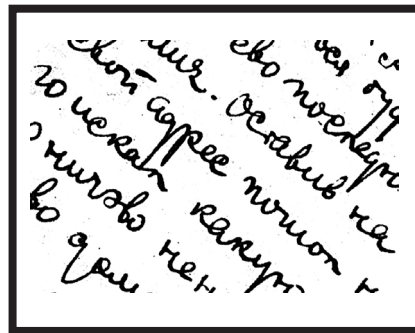
Михаил Васильевич Ле-Дантю родился 27 января 1891 г. в селе Чижово Бежицкого уезда Тверской губернии.

Унаследовав художественный талант от родителей, Михаил Васильевич начал рисовать рано, в возрасте 3-4 лет. В 1908 г. он окончил Третье реальное училище в Петербурге, учился у художника Зейденберга и в частных художественных студиях Я. Ф. Ционглинского и М. Д. Бернштейна.

В 1909 г. он поступил в Санкт-Петербургскую Академию художеств, но, стремясь выйти за пределы академической системы обучения, сблизился с левым художественным объединением «Союз молодежи», с московскими художниками М. Ларионовым, В.

Бартом, В. Татлиным (впоследствии – близкий друг Михаила Васильевича) и др. Он ратовал за активное самообразование и аналитическое изучение истории искусств. Круг его интересов был обширен: Запад и Восток, искусство Африки, народное искусство, новейшие течения и эксперименты французских живописцев.

В январе 1912 г. Ле-Дантю покинул стены Академии художеств (по другой версии – был отчислен). В кругу творческой молодежи он успел прослыть сведущим и компетентным теоретиком, автором многих картин и рукописей, участником выставок (в том числе знаменитой эпатажной выставки «Ослиный хвост») в Петербурге и Москве. Он собирался поступить в Московское художественное училище, но одновременно искал для себя новую «школу» и намеревался

заниматься фресковой живописью во Львове, Тифлисе и Одессе.

На перепутье творческих устремлений, стесненный в денежных средствах, Ле-Дантю принял приглашение семьи своего нового товарища по Академии художеств Кирилла Зданевича и вместе с ним приехал в Тифлис в 1912 г.

В Грузии он остался на полгода. Побывал в Сурами, Боржоми, Цхинвали, много рисовал, фиксируя местные достопримечательности, образцы архитектурных орнаментов и народного творчества, ремесел. В Тифлисе Ле-Дантю начал ряд картин грузинского цикла: «Продавец мацони», «Запрягание буйволов», «Человек с лошастью», «Человек в пивной», «Буйволы», «Кожевники на Куре», «Сазандар», «Грузинская

пляска», «Счастливая Осетия» (закончив их в Петербурге). В Грузии же, ставшей для художника «землей обетованной», с романтическим ореолом страны свободы, у Ле-Дантю родилась идея создать восточный цикл картин. (Некоторые из них были показаны на выставке «Мишень» в 1913 г.)

Это было время напряженной духовной работы и творческих поисков. Ле-Дантю становится авторитетом в кругу новых друзей, местных молодых художников-единомышленников.

Сразу по приезде в Тифлис произошло едва ли не главное событие в его творческой жизни. Вместе с Кириллом Зданевичем в духане «Варяг» на Вокзальной улице он обнаружил картины Нико Пиросмани (это произошло в промежутке времени между 25 марта и 1 апреля 1912 года). Ле-Дантю купил картину «Пирушка мушей» и начал активно искать и покупать работы Пиросмани. Так Михаил Васильевич стал первым из профессиональных художников, обратившим внимание и оценившим по достоинству того, кого позже мир признает национальным гением Грузии.

Несмотря на все старания друзей, им так и не удалось найти самого художника. (Несколько месяцев спустя это удалось Илье Зданевичу, брату Кирилла.)

Творчество Пиросмани определенным образом сказалось на живописи самого Ле-Дантю, отныне стремившегося к обобщенно-плоскостному стилю и созданию орнаментальных композиций.

Вернувшись в Москву, он выставляет свой грузинский цикл, а также картины Пиросмани «Девушка с кружкой пива», «Натюрморт», «Олень» и «Портрет Ильи Зданевича»

Несмотря на нужду, Михаил Васильевич покупал работы «грузинского Джотто» на те небольшие суммы, которые присылала ему из Петербурга его обожаемая «мамусяка».

Заработать на жизнь и на покупку картин в Тифлисе ему не удавалось, а вернувшись домой, в Петербург, он вновь окунулся в бурную художественную жизнь северной столицы.

чуже, и
ку С. 10
не знает
он. 10
мисел
чужа,
копелу.
23, но
онет."
сарт
за) зей
10.
мон се-
н чур
в пав-
ль шорр
лко м
картон

Он включился в борьбу М. Ларионова с другими группами российского авангардного движения (в частности, с «Бубновым валетом»). Он обрабатывает материалы своего «Кавказского альбома» акварелей и рисунков. В нем сохранились почти все листы, заполненные зарисовками-откликами на картины Пиросмани, рисунками с городских вывесок Тифлиса, с грузинских архитектурных мотивов, с национальных орнаментов, рельефов, надгробий... На страницах альбома авторские записи на

русском, грузинском, французском языках. На двух листах карандашом вписаны названия картин Пиросмани. [...]

Первая мировая война коснулась и Ле-Дантю. Он окончил военное училище, получил офицерский чин прапорщика Верхнеднепровского пехотного полка, о чем свидетельствует удостоверение, подписанное в 1916 г. генерал-майором, петроградским комендантом Калантаровым. [...] и отправился на фронт. А 25 августа 1917 г. демобилизованный прапорщик Чердынского полка Ле-Дантю сорвался со ступеньки и попал под поезд при катастрофе (или обстреле) воинского эшелона под г. Проскурово. О гибели друга Илья Зданевич узнал во время научной экспедиции в 1917 г. В честь Ле-Дантю он назвал одну из вершин Понтийского хребта высотой 3700 метра. В дневнике экспедиции Зданевич писал: «Эту часть Качкар уступает низшей вершине, открытой мной, которую в честь моего друга, покойного Ле-

Дантю, известие о гибели которого застало меня у руин Ишхани, я назвал вершиной Ле-Дантю. Лежащему под ней новооткрытому глетчеру будет поэтому присвоено имя ледника Ле-Дантю».

В августе 1918 г. в помещении тифлисского «Фантастического кабачка», в этом приюте литературно-художественной богемы города, Илья Зданевич прочитал доклад «Ле-Дантю в русских художках», приуроченный к годовщине гибели друга.

Вскоре после гибели Ле-Дантю Илья Зданевич написал статью «Окрест искусства М. Ле-Дантю». Книгу «лидантЮ фАрам» Илья Зданевич начал писать в 1919 г. в Тифлисе, перерабатывал ее в Константинополе в 1920–21 гг. и издал в Париже в 1923 г. под грифом «41°». Самая дадаистская дра – драма-пенталогия Зданевича под названием «Аслабличья» посвящена безвременно ушедшему другу. Илья Зданевич предварил ее так: «Эта книга является короной на могиле моего умершего друга и на всем том, что в течение десяти лет составляло нашу жизнь». Она экспонировалась в галерее Поля Гийома в Париже. Под впечатлением от книги Жан Кокто написал Илье: «Эта книга – чудо, которое я не смог прочитать, но сразу затронула чувство в глубине души. Мы не знаем, из чего состоят звезды, но ваша книга – звезда». А. Крученых назвал книгу «великолепной». По выходе книги автор заявил: «Это высшая точка. И достигнув ее, я бросаю эту книгу. Прощай, молодость, заумь. Долгий путь акробата, экивоки, холодный ум, всё, всё, всё».

Кирилл Зданевич тоже вспоминал об общем с братом друге: «Блондин, почти рыжий, с узким белым лицом, длинными усами а ля мушкетер. Память о Михаиле Васильевиче Ле-Дантю, талантливым художнике, неразрывно связана с любимым им Н. Пиросманашвили, являвшемся для него носителем творческого

начала грузинского народа. Через Н. Пиросманашвили он глубоко полюбил Грузию, ее одаренный, талантливый народ и его искусство». Французское* звучание фамилии Михаила Ле-Дантю стало причиной целого ряда легенд. В Грузии, например, долгое время считали, что одним из первых открывателей Нико Пиросмани в 1912 г. был французский художник. Не избежал этого заблуждения и Тициан Табидзе, выдающийся грузинский поэт. В статье, помещенной в сборнике «Нико Пиросманашвили» (Тифлис, 1926 г.), он писал: «Как бы ни был удивительным и даже печальным этот факт для современников, однако он неопровержим – Нико Пиросманашвили открыл французский художник Ле-Дантю, который путешествовал по Грузии и увез с собой несколько работ Пиросманашвили». [...] Готовя свою статью для монографии 1926 г., ведя активные поиски сведений о творческой биографии Пи-

*Французские предки Михаила Васильевича Ле-Дантю прибыли в Россию из Франции еще до войны 1812 г.

М. Ле-Дантю. Рыба. 1912.

росмани, тесно общаясь с первооткрывателями Пиросмани, братьями Зданевичами, Т. Табидзе не мог не знать, что Ле-Дантю – русский художник.

Еще более удивительно, что в своем парижском письме И. Зданевичу от 2 июля 1924 г. Давид Какабадзе спрашивал: «Лидантю – кто по

М. Ле-Дантю. Сазандар. 1912.

происхождению, русский или французский художник? Как его назвать – русский или французский художник?» Илья Зданевич отвечал: «Дорогой Давид, Нико Пиросманашвили был ‘открыт’ Михаилом Васильевичем Ле-Дантю и моим братом в апреле-мае 1912 г. Ле-Дантю, конечно, русский и при этом выдающийся художник... Это был один из немногих людей и мой лучший друг. Погиб он в 1917 г.». С Михаилом Васильевичем сначала познакомился Кирилл Зданевич. Об этом есть запись в его дневнике (Гос. музей искусств Грузии, папка №1): «26.1.12 г. Познакомился с Ле-Дантю. Талантлив и умен. Молод

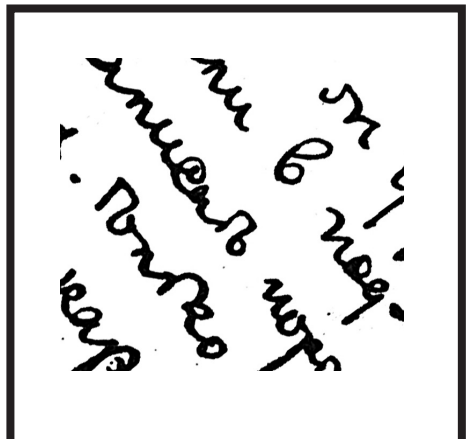
и здорово рисует. Вот бы быть его другом. С ним говорил вчера, он – умен. Прелесть. Сказал, что буду рисовать». В своей неизданной рукописи «Я вспоминаю...» Кирилл Зданевич рассказывает, как они втроем пришли домой к Михаилу Васильевичу: «Дверь открыл хозяин – скромный, рыжеволосый, приветливый, теоретик и практик новой живописи... Хозяин с истинно французской галантностью приветствовал гостей. Он рад Какабадзе – будет с ним спорить. Ведь братья Зданевичи – его единомышленники, а тут иной оппонент, стойкий поклонник классической школы». По словам Кирилла Зданевича, Михаил Ле-Дантю предупреждал Какабадзе: «Давид, ваша физика и химия могут улечься от соприкосновения с искусством!». В ответ Д. Какабадзе доказывал, что может рисовать, как Михаил Ле-Дантю, и что это нетрудно, что он верит в твердость своих позиций и верность науке. Важно отметить, что картины столь любимого им Пиросмани Д. Какабадзе впервые увидел осенью 1912 г. в один из своих визитов к вернувшемуся из Тифлиса Михаилу Ле-Дантю.

Д. Какабадзе интересовался историей открытия Пиросмани и «статусом» Ле-Дантю, возможно, по той причине, что, находясь в Париже, он и Илья Зданевич узнали о подготовке в Тифлисе монографии о Пиросмани. Они и сами намеревались издать в Париже книгу или альбом о художнике. Кроме того, сведения были нужны Давиду Какабадзе для книги «Искусство и пространство» (Париж, 1925–1926 гг.). По поводу Пиросмани и Михаила Ле-Дантю он спрашивал и в письме к Тициану Табидзе от 2 января 1927 г., где снова выразил свои сомнения в связи с происхождением Ле-Дантю. С французской фамилией Михаила Васильевича связана легенда о публикации статьи о творчестве Пиросмани в некоей парижской газете,

автором которой, якобы, был М. Ле-Дантю. Со слов братьев Зданевичей, об этой «статье» знал и сам Пиросмани и очень гордился этим. На заседании грузинского художественного общества 25 мая 1916 г. он, якобы, сообщил: «Меня знают даже во Франции».

В литературе о Пиросмани мифологизирован (с легкой руки К. Зданевича) и факт личного знакомства М. Ле-Дантю (и самого К. Зданевича) с Пиросмани весной 1912 г. Романтизированная трактовка парижской статьи и личного знакомства с Пиросмани не должны вводить в заблуждение: Михаил Ле-Дантю не печатал статью о Пиросмани во Франции и не был лично знаком с грузинским самоучкой. Что касается Кирилла Зданевича, то к Пиросмани его привел брат Илья 30 января 1913 г. Именно Илья разыскал художника в двадцатых числах января 1913 г.

Так или иначе, французская фамилия и французское происхождение русского художника Михаила Васильевича Ле-Дантю рождает ассоциации с открытием французского живописца Анри Руссо французским художником испанского происхождения Пабло Пикассо, чье имя было бесспорным ориентиром в творчестве М. Ле-Дантю. Стоит заметить, что и Пиросмани, и Руссо были открыты художниками-авангардистами в столицах, лежащих на 41-м градусе географической широты и почти в один и тот же исторический отрезок времени. Примечательно, что и М. Ле-Дантю, и Пабло Пикассо были друзьями Ильи Зданевича. Все трое, несомненно, являются первооткрывателями в широком смысле слова. Их объединяли молодость,

талант, искусство и яркая эпоха, в которой им довелось жить и творить.

Михаил Васильевич остался на страницах истории русской и грузинской культур. Его приезд в Грузию в 1912 г. положил начало всемирной известности Нико Пиросмани.

Потомок старого рода, один из теоретиков художественной концепции всѣчества, ратовавшей за постижение законов живописного мастерства путем изучения искусства прошлых лет, Запада и Востока, Михаил Ле-Дантю приехал в Грузию, где судьба послала ему встречу с творчеством Пиросмани. Он был первым, кто воскликнул: «Да это современный Джотто!» С легкой руки Ле-Дантю русские художники восприняли Пиросмани «совершенным французом»: ведь многие из них были влюблены в Анри Руссо, во французское искусство, в Париж.

При жизни Ле-Дантю участвовал в двух выставках «Союза молодежи» (Петербург, 1910–1911 гг.), а также в выставках «Ослиный хвост» (Москва, 1912 г.), «Мишень» (Москва, 1913 г.) и «№ 4» (Москва, 1914 г.). Единственная официальная персональная выставка произведений художника состоялась в 1915 г. в Петрограде.

Из сохранившегося наследия Михаила Васильевича большинство картин находится в фондах Третьяковской галереи, Театрального музея им. А. А. Бахрушина, Картинной галереи Армении, а также в музеях Самары, Казани и Орла. В Грузии, в частном собрании Д. Н. Алания, до недавнего времени хранился «Портрет Ильи Зданевича» работы М. Ле-Дантю, написанный художником во время пребывания весной-летом 1912 г. в Грузии.

Ирина ДЗУЦОВА

Фрагменты из статьи, опубликованной в «Новом журнале». 2011. №263

ПИСЬМО* ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА В ГАЗЕТУ «ЗАКАВКАЗСКАЯ РЕЧЬ»

от 10 февраля 1913 г.

Здесь, в Ортачалах, есть сад Титичева – «Эльдорадо», который вполне оправдывает свое название. Ибо в одном из строений, находящихся в нем, висит шестнадцать работ Нико Пиросманашвили. Кому знакомо это имя?

Поистине, не ищите и найдете. Подлинные сокровища здесь, под боком, а кто знает о них?

Обладающий исключительным талантом, исключительным пониманием своего ремесла, которому по праву принадлежит исключительная слава, этот человек работает по духам, не имеет возможности работать хорошими материалами, чьи удивительные создания висят по сырым подвалам или написаны на сырых стенах, трескаются и гибнут.

Быть может, никто бы и не узнал. Но летом прошлого года несколько приезжих художников наткнулись на его работы, они сумели оценить творчество, их достоинства, приобрести некоторые работы и весной этого года эти приобретения будут вывешены на московской выставке «Мишень», организуемой группой молодых художников. Думаем, в Москве их смогут оценить.

*В 1914 г. в газете «Восток» И. Зданевич еще раз публикует обращение к общественности с тщетным призывом помочь художнику. «...Интеллигенты сплошь насмеяются над ним», – будет с горечью вспоминать Ильязд – (К.М. Зданевич. Нико Пиросманашвили, М., 1964). «В 1913 году я писал в «Закавказской речи» о нем, пытался обратить на него внимание друзей [...]. Насмешки. Понадобилась война и революция, чтоб доказать правоту наших взглядов».

Цит. по: Стригалева А. // Панорама искусств 12. М. Советский художник. 1989. СС. 312, 313

М. Ле-Дантю.
Автопортрет. 1915.

Вот передо мной номер «Московской газеты». Читаю:

«Грузин Пиросманашвили, тифлисец, очень популярен среди туземцев, как искусник в стенной живописи, которой он украшает, главным образом, духаны.

Его своеобразная манера, его мотивы, те немногочисленные средства, с которыми достигается так много, – великолепны». А несколько выше он назван примитивистом.

Действительно. Да, поистине, Пиросманашвили – замечательный примитивист.

Пойдите в духан Бего Якиева (Песковская, 40) или Месхиева (Черкезовская, 70), или Озашвили (Молоканская, 50), или Баядзе (Вокзальная, 24), или «Варяги» (Таможенная), или в «Новый Свет» (на Верз, против паромы), или Сирадзе (Муштаидский, 15), к Кочиашивили (Молоканская, 23), в «Дарданеллы» (Воронцовская площадь) и везде вы можете найти его клеенки и холсты. Сюжеты его просты, необыкновенно различны. Он рисует портреты. В «Эльдорадо» ряд типов – дворник, кормилица, шарманщик, лакей, продавец дров, повар, несколько женщин, далее рисунки животных – олень, жираф, лев.

В других местах висят «Обеды». У Озашвили – панно «Сбор винограда близ Бакурцихе», у Месхиева – большая роспись стены «Долина Алазань», у Баядзе – «Князь Бяратинский, покоритель горцев», «Рыбак», у Якиева – «Портрет Руставели», «Царица Тамар», «Тифлисский фуникулер», «Паломничество у церкви св. Антония» и «Обед», несколько портретов и т.д. В иных местах портреты, натюрморты, пейзажи, иллюстрация к «Барсовой коже» и разные сцены. Иногда композиция картин заимствована. Но исполнение претворяет и преображает эти мотивы. Часто работы так синтетичны, живописны и правдивы, сделаны с таким великолепным пониманием их задач, мастерством, в них он сумел так выявить дух и показать великолепие культуры своего народа, что этот, слава Богу, нигде не учившийся живописи сын садовника кажется ее символом и исключительным явлением. [неразб.] Только народ с богатым культурным прошлым мог родить его. Его творчество в своем существе глубоко синтетично: лица упрощены – лица вообще, люди – люди вообще. Но эти люди подобны великолепным цветам, ибо в конце концов это разрешение цветовых задач. Он берет простую черную клеенку, пишет на ней портрет [неразб.] но куртка мальчика, которую он рисовал, была бархатная. Он ставит удивительные цветовые задачи и удивительно умеет их разрешать. Но цвет не убивает чувство формы – посмотрите, как превосходна лепка его на-

тюрмортов, за формой он не забывает материала – если он пишет бархат, то всякий скажет, что это бархат, хотя для его передачи он ни к чему не прибегает. Кроме того, он оставляет не закрашенной лишь ту черную клеенку, на которой пишет портрет. Но, несмотря на это, он использует все средства живописные. И благодаря тому, что он пользуется всеми средствами живописной передачи предмета, его работы так убедительны и хороши, и появление его на московских выставках должно принадлежать к значительным явлениям художественной жизни последних лет. Однако слава должна была придти к нему раньше. Ему уже 50 лет. Этот мастер живет по подвалам, там, где дают работу, распыляет талант за гроши, пишет картины за обед или стакан вина, скверно одет, работает дешевыми красками по скверному холсту или простой клеенке (ибо хорошие дороги), от чего его трудам суждена преждевременная смерть. Мы не можем требовать, чтобы с нами согласились – теперь так много лагерей в искусстве. Мы думаем, что те, кто сумеет понять Пиросманишвили, должны оказать им помощь – их дела не будут забыты. Они должны поддержать его хорошими заказами, дать ему возможность обзавестись комнатой, ибо в темных подвалах слишком

в корриковом холсте и картоне, и писал с помощью на стене Ляпуш С. Но при этом к нему и спрашивали – не знает ли Михайлов. Ответил, что это он. Тогда коллимаж и резюмировали. Я сказал, что хочу чтобы написал мой портрет – оттого был, говорил, поинтересовался, на том холсте клеенке, стене, холсте. Вейтману было не интересно, но все равно спрашивал, то как коллимаж, вене сказал, то значит где-то еще и человек поинтересовался (т.е. была) и в погреб и переоборудовал. Потом я видел. Не делал. Потом еще переоборудовал. Считал что тут можно и еще переоборудовали в погреб. Он был совсем маленький и спешил на 8 минут. Почему и сказал, что писал холст в картоне

1956 г.
 Воробей
 ММММ ВАВИЛОВСКИЙ,
 давил в. Вилл не писал. Мочу собирал вое каменей холсте – шкворни писать. После гриме старинный ухаживать, то он получил в воробей и ухаживать на Лопоченской улице, 4 км 2 в. Потом пере. Кушник обещал, то это реально, но так, но сит так грима его нет, а работает на улице (В.В.В.), в от той старости и предпринимает мне отработать тут. Но сейчас грима вичей, это полевые работы, отнять вольно. Вечером на вечерней счастливый. Этот человек пишет на (В.В.В.), что по нежеланию какому то переоборудовал, но ничего не нашло. Только у стены удушево грима егог каменей холсте

И.Зданевич.
Письмо к М. Ле-Дантю.

тяжело работать. Это так немного. И нельзя (в настоящее время) дать погибнуть картинам, которые вскоре станут украшением галерей и музеев. Нынче, когда хорошего так мало, нужно особенно ценить этот редчайший самородок. Равнодушие было бы слишком крупным преступлением.

Текстовые композиции - С.Армянян (выполнены с использованием фрагментов приведенного выше письма Ильи Зданевича Михаилу Ле-Дантю).
 Дизайн номера - А.Джилавдарова.

© Периодическое издание «Ассоциации литераторов - АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
 Эл.почта: abgl@yandex.ru
Издаётся на средства редколлегии

Редакционная коллегия:
 Сусанна Армянян,
 Ада Джилавдарова,
 Анна Шахназарова,
 Дмитрий Лоскутов,
 Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются.
При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.

